

МЕХАНИКА

Любовь – это война. Ты понимаешь это в день, когда тебе исполняется девятнадцать. Или двадцать шесть. Кто теперь возьмется считать, в пустом мире, где есть только одно разряженное в ничто мгновение, которое приходится повторять снова и снова. Ломая торт с девятнадцатью свечками, вылетая из-за стола вслед за ней, и считая двадцать шесть залпов, которые дают в твою честь после твоей гибели.

* * *

Мне хочется выть в голос. Не каждый сумеет промахнуться семь раз мимо точки назначения. Я, видимо, являюсь счастливым исключением. Материализуюсь в пространстве, забегаю в зал, который вот-вот рванет фейерверком С-4 и представляюсь на ходу, отталкивая охранника:

– Всем привет, меня зовут Джейми, сегодня я ваш личный ангел, быстро ткните пальцем в мистера Ходжкинса.

Народ таращит глаза, а взрыв – в восьмой раз – гремит в соседнем здании. Я раздражаюсь матерной тирадой, и механический голос в наушнике неуверенно произносит:

– Капитан Лионелли, повторите запрос.

Охранник выводит меня под руки, я выхожу на улицу, сейчас спешить некуда, можно сесть на лавочку и подумать. Лондон одуряет прекрасной весной, зелень на голубом, яркое солнце, неуверенные кривоватые улыбки. Идиллия, но только две с половиной минуты назад. Сейчас офисное здание в Сити разрушено почти до основания, на асфальте красное мешается с тошнотворным, все бегает и кричат о террористах. Меня, конечно, сшибают с ног, ну еще бы, ростом не вышла, да еще норовят затоптать. Не лучшее место для раздумий, но восемь разговоров с Механикой на том конце не дали результата. Тут главное – не тормозить, не дать реальности зацементироваться, вот и держат на такой случай сквод смертников вроде меня, у которых и так мозги набекрень, что им десяток перемен одной вероятности.

По животу больно попадают ногой. Я вскидываюсь и отбегаю полмили через мост. Положим, у меня есть минут двадцать, но с вероятностью что-то не так. Она кривая, мать ее перемать. Почему ближе всего оказалась я? У меня был прекрасный вечер. Да и ну его, в целом. Одним человеком меньше – и Механика никого бы никуда не послала. У нас строгий лимит по числу жертв, а то можно до идиотизма дойти и игры в спасителя.

– Слышь, – говорю, наблюдая, как подростка рвет прямо на тротуар. Смотрю я на это раз в третий, зрелище вполне привычное. – Ну что тебе стоит, забрось меня пораньше. Я знаю здание. Я знаю подрывника. Выход не там, а добежать просто нереально.

– Капитан, – сдержанно отвечает Механика, – я делаю все, что в моих силах, для спасения трехсот одного человека. Назначаю повторение...

– Стоп-стоп-стоп. Отставить. Слышишь?

– Слышу.

Проклятые инженеры, установили модуляцию голоса, иногда забываешь, что говоришь не с человеком.

– Мне надо подумать.

– У вас на это три минуты.

На этот раз я все-таки вою в голос, но на общем фоне разбитых ужасом людей не выделяюсь. Напрыгалась-налеталась. Вместо стандартных протокольных двадцати осталась трешка.

– Отец... там...

Парнишка, кажется, обращается ко мне, и я смотрю на него, будто впервые вижу. Брови взлет, глаза раскосые, губы... О, эти губы.

– Капитан, – Механика скрежещет.

От парнишки приходится оторваться. А что, я психопат, у меня так в личном деле записано, мне можно. Тем более, на вид ему все-таки восемнадцать.

– Окей, окей, окей, подруга, слушай. Ты меня забрасываешь каждый раз за полминуты до взрыва. Соответственно, вероятность начинается оттуда. Значит, нас накрыли медным тазом. Взрывал не Ходжкинс.

– Капитан, вы думаете не головой.

Посмотрела бы ты на парнишку, Механика, я бы тогда с радостью уточнила бы, чем именно думаешь ты.

– Хорошо, Ходжкинс. – Я отворачиваюсь от него и ухожу прочь, стараясь игнорировать слезы на лице и испачканную майку с модным мемом. – Но он не хотел взрывать, вероятность открылась, когда он принял окончательное решение. Забрось меня к нему домой сегодня утром.

– Капитан! Я снимаю вас с дела и...

– Заткнись, я внутри ситуации, никто за три минуты лучше меня не разберется. Бросает меня по разным зданиям, значит я могу остановить взрыв из любого. Давай отсчет.

Я знаю, что пока реальность будет переформировываться, время подумать останется. Меня затошнит, вывернет по суставам, но не привыкать. Надо же спасти жизнь триста одного человека. Ну и парнишка не должен плакать, зачем еще портить такое лицо слезами.

Мир перед глазами расплывается, будто кто-то опрокидывает ведро воды на акварельную картинку. Джейми, вперед.

– Механика, слышишь, выхожу в точку – и ты глушишь всю сотовую связь в радиусе трех миль.

Это единственный выход. Мир сгущается, в этот раз я оказываюсь на площади перед офисным зданием и тут же даю мощного рывка к мосту. Нашла, дрянь, куда выбрасывать. Мы, конечно, по времени специализируемся, но погибаем так же, как обычные люди.

По ощущениям я бегу минуту, смотрю на часы, оборачиваюсь назад. Здание целехонько.

– Поздравляю, капитан, – шепчет Механика.

– Слушай, а я тебя нет. Это не человеческий фактор, могла бы сообразить сама.

– Простите, капитан. На место выслан отряд специального реагирования, чтобы задержать тех, кто спровоцировал Ходжкинса.

Я, конечно, зря ругаю Механику. Она молодец и все сделала правильно. Запинаюсь нога об ногу, наконец выдыхаю и ловлю на себе взгляд парнишки. Слушай, куда тебе, косоглазый, мне скоро тридцать.

– Капитан?

– Да-да, возвращай меня домой.

Мир снова плывет перед глазами, и я оказываюсь там, где и должна быть, на суперской вечеринке: крыша, бассейн, дорожный отель. Меня все спрашивают, как же мое последнее детище, где и в чем я разглядела талант. Я отвечаю, что таланта никакого нет, только мои острые глаза и сведение звука, смеюсь. Минут через десять выдыхаю. Все эти продюсеры на этой крыше – такие же функциональные психопаты. Но вот познакомиться с Механикой спустя сто тридцать лет доведется только мне.

* * *

Корейский шоу-бизнес отвратителен. Еще нет двадцати шести, а тебя уже записывают в старики и мэтры. Концерты так же полны девчонок из разных стран, вся твоя жизнь так же на ладони, но самый модный уже не ты, а какие-то восемнадцатилетние сопляки.

Ты спускаешься по лестнице своего гребаного Эйбиси-Энтертейнмента, прикидывая, что именно согласно контракту тебя заставят делать в день рождения. Поднимающаяся навстречу рыжая девчонка интересна только тем, что белая до неприличия, огненная до неприличия – и совсем не изменилась с того момента, как пробежала мимо тебя семь лет назад по мосту Миллениум в Лондоне.

Она проходит мимо, даже не подняв глаз, какая крошка, да твои коллеги ей фору дадут, а ты тормозишь на месте и зачарованно смотришь вслед, слушаешь перестук ее каблучков. Они замирают где-то вдалеке, и ты задираешь голову, вглядываешься в просвет между бесконечными ступенями и даже видишь кусочек ее синего платья.

Она смеется и, конечно, не с тобой. Жизнь устроена так, что тебя хотят все, кроме тех, кого хочешь ты, и с этим в конце концов смиряешься.

* * *

Механика утомляет за полгода общения. Тренировки тренировками, симуляции симуляциями, а вот эти вечные потуги на постоянное изменение мира – просто ужасны. Крыша едет, время идет минута за три с половиной месяца. Я раздумываю, не отказаться ли к чертовой матери, когда в один не очень прекрасный вечер попадаю на званое мероприятие где-то в будущем корейского шоу-бизнеса. Механика наконец-то делает мне поблажку. Я до сих пор не знаю, как она работает спустя сто тридцать лет, но одновременно каждую секунду; не знакома с коллегами. Но спасаю очередных детей в очередной школе, подкалываю Механику на тему того, что загнусь так совсем, и она вдруг оставляет меня в этом неизвестном году. Я не спорю и смотрю на часы, их она виртуозно переводит так, чтобы я всегда ориентировалась внутри дня.

– Капитан, у вас сто восемьдесят минут, и, пожалуйста, не начинайте выяснять будущее.

Сказано – сделано. Какое уж там будущее, Механика выкинет меня домой, в две тысячи двадцатый, лишь попробую отколоть что-нибудь не то. Законы времени она блюдет бесстрастно, ради них пойдет на все. Как в это вписывается спасение людей...

Я замечаю знакомое лицо в толпе, вглядываюсь, моргаю. Вот это поговорила с продюсерами будущего о методах продаж. Рядом с колонной дует шампанское парнишка, которого я видела с месяц назад на мосту в Лондоне. Вот только ему уже хорошо за

двадцать, это молодой симпатичный мужчина. Шампанское пролетает только так, и, наверное, я пялюсь слишком откровенно – психопатка, что возьмешь, – потому что он замечает и подходит. Улыбается неуверенно:

– Лондон, восемь лет назад.

– Не была, – рапортую я, поднимая бокал.

– Сеул, три месяца назад.

– Понятия не имею, о чем вы.

Сама стою и думаю, как вышло, что он меня заметил, а я его нет.

– Капитан, – укоряет Механика в ухе, – это недопустимо, надеюсь, вы понимаете.

Надо как-то выкручиваться. Выкручивать кому-то руки – это я научилась. А вот выходить сухой из воды... Какой красивый.

Он представляется, и имя вылетает из головы мгновенно.

– Я никак не могла быть в Лондоне восемь лет назад. Мне исполнилось девятнадцать, и...

– О! – оживляется парень. – А у вас есть эта традиция?

– Какая? – непонимающе спрашиваю я.

– В Корее на совершеннолетие обязательно целуют. Меня вот не поцеловали.

Механика точно не одобрит, если я брошусь ему на шею (ведь в прямом смысле слова: прыгать придется), поэтому я легонько кашляю и задаю вопрос про отношения публики и звезд в Корее. В моем две тысячи двадцатом картинка ужасает. Парнишка бледнеет, мнется и заводит про то, какие у него хорошие поклонники. Все ясно сходу, да еще время подходит к концу – спасибо Механике, сократила.

– Можно ваш номер телефона? Я бываю в Европе, там попроще, пригласил бы на свидание.

Хоть снова вой в голос. Механика же не позволит... Не позволит прыгать ради парнишки.

– Простите, – говорю, – простите.

Самое сложное – дожидаться возвращения домой.

Но Механика, наверное, издевается, и забрасывает меня на задание.

* * *

Война – это война. В армию загребают сходу, очень быстро, всеобщий призыв. Никто никогда бы не подумал, но ресурсы нужны всем, и вот уже звезды гибнут рядом с простыми ребятами. Никому не интересны мотивации, никому не интересен твой день рождения, а всего-то и хотелось, что увидеть рыжую, по которой, к сожалению, никакой информации. Наверное, она погибла, такие же не воюют, не держатся и не спасаются. Но тебе все равно, потому что в первые же дни ты перестаешь хоронить родных и знакомых, а также разбираться в том, кто начал войну две тысячи сто пятьдесят.

* * *

– Механика, слышь, я задолбалась.

Первый раз выхожу на связь сама. Достая передатчик, засовываю в ухо – и говорю.

– Капитан?

Ах, чертовы инженеры, какие человеческие интонации.

– Понимаешь, я задолбалась. Скольких я спасла?

– Семь тысяч... – начинает она, и я ускоряю шаг.

На студию надо успеть во что бы то ни стало, но у меня нет ни желания, ни стремления. Каким-то образом я выпала из вечной круговерти “звонки, психи, запись, концерт, поиск, разговоры, скандал, скандал, скандал” и не знаю, куда пристроиться. Мне не нужна моя известность. Мне больше, блин, не нужны деньги.

– Капитан, вы говорите вслух. И это, с позволения, напоминает неструктурированный поток сознания.

– Механика, мне не нужны деньги, мне скучен мир, ты понимаешь?

Я добегаю до студии и разворачиваюсь на каблуках. Пустота внутри набирает угрожающие объемы, а я больше не знаю, чем ее заполнить.

– Боюсь, капитан, я не был создан для этого, – вдруг горько заявляет Механика, и я не знаю, что сказать или сделать. Создается ощущение, что со мной говорит мужчина. До этого я всегда воспринимала Механику только в женском роде. Направлять и советовать – вроде все понятно.

– Эй, – начинаю я, но Механика отключается, оставляя меня наедине с истерящим телефоном, секретаршами, ассистентками, моей личной находкой и процессом звукозаписи.

Оказывается, Пи-Джею принесли не то шампанское, и теперь он отказывается начитывать очередной рэп. Бесплезно доказывать, что “АОС” – это “Appellation d’origine controlée”, он все равно не поймет. Я показательно закатываю глаза, швыряю бутылку в мусорное ведро (ничего, нам, функциональным психопатам, можно, потом подниму и выпью сама), и издаю боевой клич. Все ассистентки давно обучены и так же показательно дрожат губами.

– Давайте я сбегаю! – вызывается наш стажер Макс, восемнадцатилетний мальчишка, я киваю и сую ему денег.

Звезда должна быть довольна. Хорошо, если этого удастся достичь малой кровью. Еще полчаса мы просто треплемся ни о чем с утихомиранным Пи-Джеем, я спрашиваю, как его шикарная мама и красотка-сестра, узнаю, что у обеих теперь по салону красоты, рассказываю о тусовках и встречах с великими. Главное – найти общего врага, а дальше тему развивать можно сколько угодно.

– Капитан, – внезапно говорят в ухе. – А почему вам скучен мир?

Механика, милая, как тебе сказать. Я живу жизнью полноценной селебрити днем, а еще иногда тем же днем я предотвращаю гибель каких-то людей где-то там в будущем. Иногда это просто, иногда это сложно. Иногда ты даешь вводные, иногда я расследую на месте. А еще – летаю по временам и вероятностям. Я бы хотела удостовериться в том, что не спятила, но не волнуюсь ни капли, психопаты ведь не сходят с ума. Мой мир, выстроенный потом, кровью, трудом, лестью и обманом, перестает меня устраивать только из-за знакомства с тобой. Мне неважно то, за что полгода назад я продала бы душу. Только вот, Механика, какая штука: мою душу купила ты за возможность делать что-то хорошее, иссушающее меня до нитки и не приносящее ни пенса дохода.

– Да парнишка не дает покоя, знаешь, – спокойно вру я, выходя покурить.

Так действительно лучше: по крайней мере, есть материальное объяснение происходящему. Парнишка с бровями взлет – и точка.

* * *

Родители со связями – хорошо всегда, даже когда от мира остается всего ничего, и тебе приходится скрываться в бункере вместе с сотней таких же, как ты, и не думать ни о

чем вообще. Они, по крайней мере, могут этот самый бункер организовать. Ты спишь, тебе снится всякая чертовщина, иногда тебе снится, что ты умираешь, и это хороший, счастливый сон. Рыжая не приходит почти никогда, и в этом кроется какая-то загадка, потому что ты проигрываешь в голове все возможности и желаешь только одного, вернуться в Лондон и в восемнадцать, чтобы поймать ее на мосту и не отпускать. Может, потом не будет войны. Может, ты блажишь, но желание – одно. Ах да. Ты почему-то вспоминаешь, как наврал ей на той вечеринке, сказал, что тебя не целовали в совершеннолетие. Целовали, как же, довольно противная девица Син, которую никто этого не просил делать. Теперь хочется, чтобы была только правда.

* * *

– Капитан...

– Иди к черту, я на свидании, в туалет вышла.

– Капитан!

– Да разжалуй меня к любой матери.

– Капитан.

Последнее звучит приговором. Я знаю, что не могу отказать, знаю, что зря препираюсь с этим голосом, который таскает меня из одного безумного мира, полного ненависти, в другой, от маньяка, разбирающего рельсы, к уроду, портящему электронику в самолете. Но я правда на свидании со вполне симпатичным парнем.

– Капитан, – вдруг ломается Механика, не дождавшись ответной реплики, – капитан, вы нужны мне.

Голова кружится то ли от шампанского, выпитого уже в избытке, то ли от чего еще. Но я не понимаю, как она выбирает эти моменты, как она делает то, что делает.

– Капитан. Клуб в Пекине, больше двух тысяч человек, простые парни и девчонки, вы нужны мне.

Ну да, не в качестве собеседника же.

– Вы вернетесь обратно в то же мгновение, вы в курсе, капитан.

Конечно, Механика, только я не буду той же, я буду другой – и хорошо, если со щитом, а не на щите. У нас пока не было промахов, но должен же быть первый?

– Вперед, – бросаю я.

Зеркало передо мной расплывается целым спектром цветов, и вот я уже пляшусь в стробоскоп. Вводная, на самом деле, очень глупая. В частных комнатах богатенькие мальчишки закуривают, роняют на пол зажигалку, и проспиртованный ковер вспыхивает, а потом паника, давка, куча жертв...

– Что вы предпримете, капитан?

– Механика, помолчи, пожалуйста.

Она (или он, кто ж разберет) послушно затыкается. Мне очень лень, мне очень хочется вернуться к моему сорокалетнему актеру, звезде всех блокбастеров на свете, мне не хочется терять настрой. Я осматриваюсь и выбираю самый-самый легкий вариант, зажимаю клавишу экстренной эвакуации. Клавиша оказывается сенсорным экраном, который тут же преобразуется в симпатичную голографическую девушку, задающую вопросы на китайском. Я толкую ей то, что шепчет на ухо Механика, и барышня включает тревогу на самом легком уровне.

– О-о.

Звучит не очень хорошо, и я ударяю себя по лбу. Из клуба только что вышел последний человек, пожара не случилось, зато скандалов – штук пять.

– Они идут праздновать в соседний и спалят его дотла.

– Механика, ну твою же... – Я верчусь изо всех сил, пытаюсь понять, куда бежать, кого хватать, что делать.

– Прямо, вот по той улице, на которую вы смотрите, капитан.

У меня нет времени задумываться над перипетиями судьбы, поэтому я мчу вперед, добегаю до пафосного даже по моим меркам черного куба (будто эбонитового с виду), подлетаю к секьюрити, начинаю что-то нести про день рождения, подружку, опоздание, благо, вид позволяет. Секьюрити пропускает, улыбаясь, и я кричу через грохот:

– Механика, милая, где эти ублюдки, я просто их порешу.

– Триста первый номер, люкс.

Я снова вылетаю на улицу, хватаю секьюрити под руку, несусь с ним внутрь. Он на удивление сносно говорит по-английски, мне чертовски интересно, какой это год, с голограммами в дешевых клубах и англоговорящими секьюрити в дорогих, но это не мое дело. Через три минуты пьяные в дым придурки лежат носом в ковер, я для верности забираю зажигалку (ну конечно, долбаная зиппо, продолжает гореть, когда гаснет ад), выношусь из номера, потому что у секьюрити миллион вопросов, ору Механике, чтобы забирала.

Ничего не происходит, я бегу через черно-сиреневые комнаты (все-таки ничто не меняется, несмотря на голограммы и английский язык), кажется, теряюсь, забегаю на какое-то явно закрытое мероприятие – и вижу за столом его. Парнишку. На торте выставлено “19”, он задувает свечи, радостный и немного растерянный. Принесло так принесло. То ли Механикой, то ли нележкой, то ли чем еще. Совершеннолетие.

Все хлопают, и справа от меня поднимается на ноги какая-то девица. Идет к моему парнишке, слегка покачиваясь на каблуках, и тут до меня доходит. Я расталкиваю пару рослых мужиков, в два прыжка оказываюсь у стола и так шибая ее плечом, что... Перегибаюсь через столик, тяну парнишку за ворот на себя, высокий, и целую. Просто прижимаюсь губами к губам. И он вздрагивает. И обнимает.

И тут же уплывает вдаль, превращаясь в зеркало.

Механика, сдохни.

* * *

Интеллект и сознание – всегда интеллект и сознание. Ты вспоминаешь девятнадцатый день рождения. Не долгий разговор в клубе потом, не стук каблуков и смех, не мост в Лондоне. Вспоминаешь и очень легко соглашаешься на экспериментальную программу, которая, возможно, предотвратит войну две тысячи сто пятьдесят. В конце концов, кто, если не ты. И на собственные похороны и двадцать шесть залпов смотришь уже изнутри нового бесконечного пристанища, у которого снуют люди. Они думают, что пристанищу нужен смотритель, но пристанище – это и есть ты. Умирают, гады, слишком быстро, один за другим. Ты забываешь о своей цели, потому что питания хватит надолго, ты же можешь все, ты господин бог. А потом ты вспоминаешь девятнадцатый день рождения. Со всеми банками памяти найти ее в две тысячи двадцатом оказывается сложнее, чем ухватить фантом, исчезающий на глазах, тогда. И она говорит с тобой через сто тридцать лет и придумывает смешное имя – Механика.

* * *

Он не выходит на связь целых два месяца и не отвечает ни на что. Я посылаю к черту и актера, и работу, и долблю, долблю, долблю, как мантру и молитву: механика, механика, механика. Такое ощущение, что я знала его всегда. Я пытаюсь вспомнить момент, когда мы познакомились, как он вышел на связь, как я впервые сделала временной прыжок, но не могу. Он говорил, что такой эффект может быть, но никогда не говорил, что исчезнет сам. Моя жизнь теряет отголоски смысла и я начинаю делать то, что умею лучше всего – вредить людям. Делать им больно, нажимать на те точки, которые нажимать нельзя и не нужно.

В голове вдруг шумят деревья и будто бы стреляют из оружия.

– Капитан, – раздается следом.

Я кубарем слетаю с кровати, надеюсь не потерять связь. Тяжело дышу и молчу.

– Капитан, я много думал. Возможно, нам следует прекратить сотрудничество.

Мне...

– Механика... В смысле, ты же ведь парень. Я знаю. Замолчи, заткнись, умолкни. Моя жизнь имеет смысл только с тобой. Не ищи себе новых. Они будут хуже, ты знаешь это.

– А как же он, капитан?

– Я бы хотела быть с ним, но, может быть, мы сделаем за несколько месяцев все то, что произошло за сто тридцать лет, а потом... Оставь меня в его дне рождения? Не том, не том. Там, где ему будет двадцать шесть. И я появлюсь из ниоткуда, и, может...

– Видите ли, капитан, это две тысячи сто пятидесятый, а я отклонился от своей основной миссии.

– Да какая разница. Какая, к черту, разница. Ты можешь заниматься своей целью, дай мне шанс на счастье. Ты разве сам не видел? Ты видел и ты чувствовал со мной и за меня.

На том конце долго молчат.

– Видите ли, капитан, в две тысячи сто пятидесятом он погибнет.

Я чувствую, что от сердца остается стеклянная крошка.

– Дай мне его спасти. Я понимаю, исключение, но... Но я все сделаю.

– Капитан, там начнется война, вы никого не спасете. А я – я должен ее предотвратить. Я забылся. Я нашел причины в две тысячи семнадцатом, я должен был искоренить одну организацию, но потом я нашел вас и занялся исправлением несущественных мелочей.

– Несущественных? Несущественных?! – Я с трудом беру себя в руки. – Давай предотвратим войну, а потом забрось меня к нему.

– Никак нет, мы не будем ее предотвращать.

Мне слышится что-то знакомое в тоне, и я молчу в ответ.

* * *

Любовь – очень странная штука. Ты можешь быть с ней только модулированным голосом в ухе, да часами на запястье. Иначе никак. Иногда тебе удается вспомнить изначальную ветку, в которой ее не было и быть не могло, в которой ты все равно становился всемогущей Механикой – и случайно натыкался на нее в две тысячи семнадцатом. Потерянную, злую, одинокую – совсем такую, как ты. Но дальше ты помнишь только мост и девятнадцатилетие.

* * *

Я пытаюсь понять, когда это все началось. И как все это продолжилось,. Люди одинаковые везде, и в две тысячи сто пятидесятом умудрились устроить войну. Почему Механика отказывается ее предотвратить? Почему не выходит на связь, снова, бесконечно, заставляя меня мучиться? Почему так спокойно говорит о гибели людей? Она же – он же – машина, у нее должны быть вшиты законы, инстинкты, в конце концов. Она должна предотвратить войну, а не быть со мной и прыгать по временам...

В голове что-то щелкает и я прошу настойчиво, ловя носом снег на Риджент-стрит:

– Механика, закинь меня в две тысячи семнадцатый. Я остановлю войну, а дальше посмотрим.

– Капитан, – отвечает устало, – я не могу, капитан.

– Слушай, Механика, в чем вопрос...

– Я не смогу исполнить ваше желание, буде война окажется предотвращена. Меня не будет существовать, я продукт войны, капитан.

– Давай по именам. Я Джейми.

– А я... Механика, Джейми. – В голосе явственно слышен смешок.

– Понимаю. Но человечество важнее, чем твое существование или моя мечта.

– Я...

– Да ты Инхён! – срываюсь на ор я.

Как только имя-то вспомнила. Ведь забыла сразу из-за выражения глаз и этих чертовых бровей.

Механика молчит совсем потерянно, и до меня доходит, что я только что не просто сделала больно, а угадала.

– Ты – это он?

Следующие две минуты я теряю. Я прихожу в себя на полу, а потом меня рвет. Самое страшное, что может случиться, красивый мальчишка становится машиной ради каких-то высоких целей.

– Джейми, послушай, я только так мог с тобой быть.

– Ты, ты...

Я не знаю, что сказать, и с ненавистью сдираю с запястья часы, вырываю из уха передатчик.

* * *

Кончается все на свете, даже бесконечность. Тебе нужно принять решение, тебе нужно расстаться с девчонкой, с которой был все эти сотни лет, потому что она не хочет быть с тобой. И ты вспоминаешь все, от начала и до конца, и шепчешь в никуда – даже не шепчешь, а выводишь в качестве знаков, говорит оно там как-то само: “Джейми, давай”.

* * *

– Инхён, слушай. Я готова им помешать. Тут достаточно сорвать одну встречу, правильно?

Я жду ответа: “Нет”, – но он говорит что-то утвердительное.

– Инхён, слушай, я... Ну, то есть, тебя не будет, но ты будешь там, живой и здоровый, женишься на ком-нибудь. Инхён, это хорошо.

Я мнусь у входа какого-то затрапезного здания. Сегодня мне предстоит разрушать, а не спасать. Но я разрушу, я смогу. Я не плачу, потому что плакать это глупо, а тот парнишка из Лондона никак не заслуживает подобной судьбы.

– Ты права, капитан.

– Инхён, послушай. Хотела спросить. А... Ну вот тебя больше не будет. – Я захожу в здание, замирая на точке “1”. – Но ведь часы. Они могут остаться? Я могу тебя увидеть, там, в хорошем будущем? И вернуться обратно.

Он думает, потом отвечает неуверенно:

– Мы переписываем вероятность длиной в сто тридцать три года. Я считал, без эмоций, как научился у тебя. Войны не будет. Те жертвы, что мы спасли, будут. Но мы решили ведь, правда?

– Я не это спрашивала, Инхён.

Первого я сталкиваю с лестницы. Эффект летальный, но мне все равно.

– Часы при тебе, я думаю, ты научилась с ними обращаться. Понятия не имею, останется ли что-то постфактум. Но, знаешь, лучше не надо. Я увижу тебя, и...

– Инхён, смысл в том, что я буду тебе не нужна. И в том, что не увидишь.

Второго надо просто подкупить.

Третьему – пригрозить.

Работы на десять минут.

– Инхён? – спрашиваю я.

Откуда-то издали доносится: “Джейми”, – и всей своей психопатической натурой я чувствую, как не хочется ему уходить. Я зову снова.

– Поцелуй меня, – просит он и отключается уже навсегда.

* * *

Я стою перед его домом и смотрю на двойню, колесящую на велосипедах. Двадцать один пятьдесят четыре, никакой войны, никакой Механики. Часы – и те барахлят. Их тоже не должно быть. И я не должна помнить, но почему-то помню все, как вчера. Главное, что мы предотвратили войну, погубившую человечество. Главное, что ему тридцать и он счастлив. Главное... Я разворачиваюсь и ухожу. Пора возвращаться домой, к Пи-Джею, скандалам и продюсированию.

Мир блекнет сам по себе, и я вдруг оказываюсь на его девятнадцатилетии. Нет, он просил. Просил, умирая. Но я не... Я стою и смотрю, как с места срывается все та же девица, потом, пытаюсь не реветь, повторяю свой давний маневр – и исчезаю. На губах остаются тепло и соль.

* * *

Война – это любовь. Ты понимаешь это в день, когда тебе исполняется девятнадцать, и какая-то девчонка берет и испаряется из твоих рук, только поцеловав. Вся твоя жизнь заикливается на этом моменте, ты привыкаешь к тому, что тебя хотят все, кроме тех, кого хочешь ты, и в конце концов смиряешься. А потом она, такая рыжая, такая яркая, вдруг стоит на ступеньках твоего гребаного Эйбиси-Энтертейнмента, растерянная и смотрящая круглыми глазами на пустое запястье. Ты не медлишь ни секунды и наконец-то целуешь ее в ответ.